
Мария СКРЯГИНА

МОРСКАЯ СТЕКОЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Повесть

*Чтобы стекло считалось морским,
оно должно провести в море двад-
цать-тридцать лет и достаточно
отшлифоваться.*

— Вам как всегда, моя дорогая?

Кафе на берегу моря и прямо у железнодорожной дороги — между путями и возможностями, сиди, тяни свою чашечку, смотри, как вдали золотятся купола монастыря на фоне темной, в пиках кипарисов, горы, любуйся морской гладью, слушай песню ветра, жди единственного проходящего поезда — гудок и звон рельсов, ожидай толчка в сердце, когда поймешь — север или юг, запад или восток. Но пока внутри тишина, и можно никуда не спешить, следуя примеру местных жителей. Они долго сидят, разговаривают, не торопятся, как будто у них в запасе вся вечность. Не то, что у жителей больших, северных городов, вечности им отпущено мало, да и та постоянно куда-то вытекает, испаряется, расходуется не по назначению.

Кофе здесь подают в маленьких керамических стаканчиках, усаженных в под-стаканники под серебро, инкрустированное рубинами и сапфирами, на минуту ощущаешь себя царственной особой, для которой — вся щедрость Востока. А на самом деле в кафе все просто, по-домашнему, содержит его семья, муж лет шестидесяти, седой, приветливый, разговаривающий с каждым гостем как со старым знакомым, — а приезжают они сюда ненадолго, сначала белые, уставшие, но воодушевленные морем, приглядываются с осторожностью ко всему здешнему: что за люди, что за еда, что за место такое? А уезжают темные, обласканные солнцем и морем, привычные и к теплу, и к песку в сандалиях, и к объятиям соленой воды, уезжают немного своими, впитав воздух и ветер этой земли, вдоволь напившись местного вина, отведав острых блюд, упаковав чемоданы банками со сладким вареньем из инжира, фруктовой водкой, лавровыми венками, словно победители, возвращающиеся с неведомой войны.

Жена хозяина моложе его лет на двадцать, худая, резковатая в движениях, черное каре, сквозь пряди волос — острые, будто у эльфа, уши. Часто улыбается и всег-

Мария Александровна Скрягина родилась в 1977 году в городе Омске. Писатель, литературный критик, журналист. Окончила факультет теологии и мировых культур ОмГУ. Лауреат литературного конкурса имени Ф. М. Достоевского (2005), дипломант Шестого литературного Волошинского конкурса (2008), победитель литературного конкурса короткого рассказа имени В. М. Шукшина «Светлые души» (2012). Печаталась в журналах «Нева», «День и ночь», «Подъем», литературных сборниках. Живет в Красногорске.

да говорит — именно тебе: «Мой хороший, моя дорогая». Неспешно накрывает на стол, готовит на кухоньке за ширмой, ждет гостей. Ей приходят помогать дети-подростки: сын и дочь. Сын ходит неслышно, мягко, дочь похожа на мать, рубящие, порывистые жесты, угловатая походка.

Иногда здесь вовсе никого нет — хозяйка нальет себе чашечку кофе и уходит посидеть поодаль, под навес, отдыхающие спят после обеда в съемных комнатах, солнце жарит вовсю, и неустанное море на своем ткацком станке тклет волну за волной.

На столе крошки, но нет птиц, чтобы их склевать, — даже чайки здесь почему-то редкие гости, потом придет хозяйская дочка и широким жестом протрет поверхность стола, взмах головы, светлые волосы, собранные в хвост, прочертят в воздухе зигзаг.

Спит большая собака, похожая на сенбернара, может быть, далекий предок как раз этой породы. Собака просыпается во время обедов, тихо встает и смотрит на отдыхающих. У нее добрые, печальные глаза, она будто стесняется своей немой просьбы. Получив объедки, аккуратно съедает, немного ждет — а вдруг? — и ложится спать.

«Ту-у, ту-у, ту-у», — гудит мощно локомотив, тянущий восемнадцать вагонов, «ту-у». Четырехчасовой.

Если я уеду отсюда, будет четыре часа. Я уеду, а собака все так же будет спать и не заметит моего отсутствия. И хозяйка скажет: «Вам как всегда, моя дорогая?» Скажет, но не мне. И море не остановит свой извечный набег, не замрет ни одна волна. И сладкую ежевику, что поспевает вдоль железной дороги, будет рвать другая рука. Что же останется после меня?

— Эй, зачем идешь по рельсам? Никогда не знаешь, когда поезд пройдет! — хозяйка вскакивает, громко ругается, жестикулируя худой рукой.

Долговязая фигура замирает на насыпи, потом начинает спускаться по ступенькам, усыпанным гравием.

«Да, вот так приехал отдыхать, пошел по железке, и тебя задавил локомотив, сшиб, в лепешку. И все. Попил кофейку».

— А что, тут разве ходят поезда? Я думал, только пассажирский, два раза в день?

— Он думал! Еще чего! Ходят товарные, ремонтные, пожарные. Какие только не ходят. О чем только думаешь?! Взрослый человек! — Хозяйка рубит рукой воздух, и кажется, еще чуть-чуть, она или раскромсает незнакомца на ровные куски, или разложит для него наконец по полочкам, правила поведения на железной дороге.

— То есть можно отметить счастливое избавление от смерти? Отметить каким-нибудь вином и барашком?

Женщина смягчается:

— Можно и барашком. Выбери, что хочешь, дорогой, все есть — заказывай, разогрею, принесу!

Он погружается в меню, как в историческое исследование, делает заказ, потом оглядывает кафе в поисках места и вдруг натывается на ее взгляд. И уже поздно делать вид, что она интересуется только морем.

— Вы не составите мне компанию? Угостить вас чем-нибудь? Кофе? Лимонад?

— Нет, спасибо, не нужно.

— Жаль. Обед в одиночку — грустное зрелище. Или даже событие.

— Сочувствую. Но мне пора.

— Вы из-за меня? Не уходите, пожалуйста. А то еда точно не пойдет впрок, сдобренная чувством вины, а не вина.

— Аргумент.

— Вы давно здесь? — он садится на скамью за столик рядом, и они оказываются сидящими через проход, словно зрители в театре, обсуждающие в антракте пьесу.

— Местное время так устроено, что уже на третий день кажется — давно. А потом — что прожил один длинный летний день.

— А я вот приехал только вчера. Пока странные ощущения. Как будто примеряешь одежду не твоего размера и не по сезону. Вот вы первый человек, с которым я познакомился.

— Вообще-то мы не познакомились.

— Да, согласен, похоже, принимаю желаемое за действительное. А если попробовать?

— Попробуйте лучше местную кухню.

— Смотрю, не собьешь вас с пути истинного. Пишете? Путевые заметки? — он кивнул на блокнот. — Журналист? Стихи о море? Поэт?

— Просто человек. Дышу, пью кофе, становлюсь частью пейзажа. Все лишнее убрано с глаз долой. Кто я? Может быть, уборщица туалетов в «Макдональдсе». Учительница начальных классов. Менеджер по продажам. Могу быть кем угодно. Возможно, мать двоих детей. Или бездетна. Замужем? Одинока? В разводе? Надо всегда все объяснять про себя. А если нет?

— Судя по разбросу ролей, актриса. Ваше лицо мне сразу показалось знакомым. Где-то я вас видел, только вспомнить не могу.

— Может быть, я умираю от неизлечимой болезни.

— Рак? Правда?

— А если и рак, то что можно сделать? Ничего. Те же слова. И немного жалости. Она скоро умрет. Она не увидит этого солнца, неба, моря, облаков. Бедненькая. Отбросит, так сказать, свои ласты. Но я сказала, предположим. Точно так же я могу быть здоровой. Тогда меня не следует излишне жалеть.

— Это игра что ли такая? Кто-то уезжает в Индию помедитировать, а кто-то — на берег моря побыть никем?

— Это не игра.

— Только счастливые люди так не делают, — и в голосе у него прозвучала металлическая нотка — как будто метнул дротик от дартс. Мстительно.

— А я и не утверждала, что счастлива. Всего доброго!

* * *

Она остановилась в небольшой семейной гостинице недалеко от моря. Двухэтажный дом с комнатами-номерами, массивная лестница, обрамленная коваными перилами, ведущая наверх, внутренний дворик — виноград увивает перголу, и гроздь свешиваются прямо в руку, столы и стулья для вечерних посиделок, утреннего чаепития.

Сама хозяйка — Ирена Кареновна — начинает день неизменно с чашечки кофе. Приходят ее соседки, такие же владелицы квартир и домов, дамы в годах, пьют бодрящий напиток, обсуждают жильцов: кто какой урон — материальный или моральный — нанес. Говорят громко, давая волю эмоциям. После бесед неизменно оставляют блюдца с кофейной гущей. Всегда ли у них день складывается согласно гаданию? Кто знает.

Вокруг дома большой сад, полный мандариновых деревьев, лимонов, фейхоа, грецких орехов. Перезревший инжир валяется в траве, выставя без стеснения ярко-красное мясистое нутро в окружении фиолетовой восковой кожуры. Мандарины еще зреют, их сезон — осень.

Жильцы сменяют друг друга, чемоданы катятся туда-сюда, пляжные полотенца порхают с веревки в чьи-то загорелые руки и обратно, купальники — каждый, словно сморщенная лягушачья шкурка, висят рядом, будто здесь переоделся отряд ска-

зочных царевен. Летний отдых — это работа по жесткому расписанию, как бы чего не упустить. Поездки в горы, на озера, в пещеры, ботанический сад, на лошадях, на джипах, на пикник, строго отмерить, сколько солнца в день, сколько моря и фруктов — не продешевить. Ты помнишь, на какое число обратный билет? Ты купил подарки маме? Ты?

А может, стоить все отпустить?

* * *

В первый день она, по совету хозяйки, пошла на ближайший пляж. Туда стеклись многочисленные отдыхающие из окрестных гостиниц и съемных комнат. На пляже бегал щенок-подросток немецкой овчарки, совсем еще глупый, он совал нос в сумки, лизал спящим лица, топтался на аккуратно расстеленных покрывалах, выпрашивал съестное. Несмотря на ошейник, чей — неизвестно, хозяин не объявлялся, многие звали его к себе, поглаживали, причмокивая и ведя разговоры. Будто он понимал.

Море было полно гальки — здоровые голыши обработаны почти до идеально гладкого состояния. Глядя на эти камни, вспоминались лица людей в столичном метро. В них тоже были видны следы работы моря. Только другого.

Потом среди публики пробежал волной шепоток, потянулись руки: «Смотри, смотри!» Далеко, за волнорезом, на солнце играли дельфины. А в воде, у самого берега — дети.

Подростки толпились на волнорезе, слушали музыку и театрально, с разбегу, прыгали с самого края. Звездой компании был Альбертик — высокий, стройный блондин, он ходил в черной шляпе с короткими полями и был обладателем плеера, откуда на весь пляж и неслись модные песни. «Корочи, Альбертик, по ходу дела поманная музыка, я под другую прыгать буду!»

* * *

Лену она сначала услышала. Где-то внизу пронзительно, металлически, на одной ноте, отчитывал неизвестного женский голос. Через минут пять сменилась интонация, нота осталась прежней. И голос практически не замолкал.

Лена была невысокого роста, немного полноватая, с круглым, выдающимся вперед животом. Расставив короткие крепкие ноги, она будто закреплялась на территории — попробуй сдвинь! — и везде чувствовала себя уверенно. Подстриженные, слегка кудрявые волосы, курносый нос, голубые глаза с серым, прохладным оттенком — даже когда она улыбалась, глаза продолжали леденеть, а вот лицо часто было румяным от неведомого жара. Лет под сорок, и, наверное, Саша — поздний и долгожданный ребенок.

Ее мужа почти не было слышно, только изредка — фразы, теплым, спокойным голосом. Круглое невыразительное лицо, выгоревшее от загара. Такое не запомнишь. Он был выше жены, спина всегда прямая, ходил бодрой, спешащей походкой, будто боялся чего-то не успеть.

А Сашу можно было назвать хорошеньким, красавчиком. Правильное, аккуратное лицо с ярко-голубыми, под цвет здешнего неба, глазами. Да еще и такими ясными, чистыми. Цыпленок, птенчик — хотя вроде и не худенький, справный, кожа, уже заласканная и морем, и солнцем. Болтун, строчит, как из пулемета, и почти ничего не понятно. Саша — во рту манная каша.

— Мы живем в Лизани.

- Лизань? А это где?
— Около Москвы.
— Деревня, что ли?
— Никакая не деревня!
— Город? Лизань? — представились варианты: город, заполненный по самую макушку Лизами. Или любителями полизать что-нибудь сладкое.
— Да, большой! У нас поэт жил, Есенин!
— А-а-а, Рязань!
— Ну ты сто, Лизань не знаешь? Вот удивила!
— Саша, у вас в садике-то логопед есть?
— Нету, она уволилась.
— Понятно.
— Он вам не мешает? — Лена улыбалась, а серые глаза обдавали холодом. — Саша, мешаешь же. Иди займись чем-нибудь.
— Нет-нет, все хорошо. Оставайся!
— Саш, ты сильно не приставай тогда, — она оглядела их обоих и ушла в дом.
Он пожал плечами:
— А я и не пристаю. А у тебя есть телефон? А иглы там есть? Знаешь «Энгли бёдс»? Если холосо вести себя, то дадут поиграть в телефон. Или в плансет. У моего папы плансет. Клутой. Мозно мультики смотлеть. Целовек-Паук там, знаешь Целовека-Паука? Ницего-то ты не знаешь, полуцаецца! — он развел руками.
— Давай лучше в прятки поиграем. Только далеко не убегай. А то мама потеряет и еще станет ругаться.
— Да, она мозет.
— Я считаю! До двадцати. Успеешь? — но Саши уже и след простыл.
— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виновата.

* * *

- Саша, почему песок в моей сумке? Почему? Я же просила не сыпать! Не играть рядом. Вот ты все портишь, весь отпуск мне всегда портишь! Знает, что не люблю этот песок, и обязательно сыплет. На море не пойдешь больше. Будешь тут сидеть. Мы с папой пойдем, а ты сиди. Один. Куда? Говорила, не таскать, говорила? Ну уляпался весь! Все липкое теперь. Ну что за ребенок, посмотрите на него! Ну просила же — аккуратно! Ну как так можно! Я вот сейчас пойду и тебя помою. Помую как следует, тогда будешь знать, что такое «кушать аккуратно».
— Мама, пусть папа, пусть папа помое, позалуста!
— Папа ему! Да, папа, иди ты. А то я и поужинать нормально не могу из-за вас.
— Саш, ну что ж ты так. — Он нес его в полотенце.
— Пап, я не хотел, я случайно, пап, — и маленькие ручки крепче обхватывали шею. И потом, в сумерках, когда родители пили вечерний чай, он сел рядом с ней и тихо сказал:
— Знаешь мой секрет? Я папу больше люблю. А мама очень стлогая.

* * *

Теперь она ходила на другой пляж, пустынный, между двумя волнорезами, с утра — никого. Только ближе к десяти приходила на пару часов пара с маленьким мальчиком, малышом-голышом. Он уже умел бегать, но был еще в младенческих

пухленьких складочках, кругленький, большеголовый. Мать брала его на руки и качалась на волнах, потом с ним играл в воде отец.

Малыш бегал с восторгом по берегу, по самой кромке волны, из-под ног летели брызги, мать смеялась, звала:

— Дима, Димочка, давай ко мне! — хотя была совсем рядом, но тянула руки, будто соскучилась.

Ближе к двенадцати появлялся крепкий жилистый старик. Темный, словно высушенная на солнце рыба или обломок дерева, он степенно раздевался, заходил в воду, плыл до конца волнореза и обратно, потом стоял, смотрел на море, строил солнечные часы. Родители Димы собирались, уходили, старик присаживался на камень, сидел недвижимый, сам похожий на каменное изваяние.

И ей нравилось это соседство — и детства, и старости, застывший миг между прошлым и будущим. Стоять по щиколотку в набегающей волне, искать кусочки стекла, гладкого, обкатанного, перебирать неспешно. Чувствовать связь со временем и морем.

* * *

Морское стекло — будто покрытое изморозью, туманное, кусочек цветного льда. Острые края его уже сглажены, год за годом — десятилетия — море ведет свою работу, трудятся волны, солнце, камни, соль.

По-итальянски стекло — *vetro*, застывший ветер, ветер, разбившийся на куски, перемолотый морем, превращенный в драгоценный камень, сверкающий на солнце. Мастерская природы, не знающая отдыха.

Бутылки из-под вина, пива, рома, джина, масел, напитков, банки, фужеры, рюмки, пузырьки из-под микстур, таблеток, чернил, флаконы из-под духов, вазы и блюда, оконные стекла, линзы очков, лобовые автомобилей и фары, иллюминаторы затонувших кораблей, глазницы маяков и останки навигационных огней. Все, что обставляло человеческую жизнь и никогда более не понадобится, не соберется в единое целое.

Цвет морского стекла зависит от его первоисточника. Зеленый, голубой, белый, коричневый, оливковый встречаются чаще всего. Реже оттенки зеленого: нефрит, зеленый лайм, зеленый лес, лед, нежно-голубой.

Сиреневое, фиолетовое или розовато-фиолетовое морское стекло можно обнаружить в любой части мира, но довольно редко. Большая его часть была выпущена еще во время Первой мировой. До войны бесцветное стекло делали по иным рецептурам. Из-за военных действий некоторые ингредиенты было трудно достать. Заменой им становились другие химические вещества, и получившееся стекло при длительном воздействии солнечных лучей приобретало различные оттенки фиолетового.

Черные осколки — наследство бутылок толстого стекла восемнадцатого века. В них хранили джин, пиво и вино, а при изготовлении в сплав добавляли железо.

Желтое морское стекло попадает нечасто: бутылки из него производились в ограниченном количестве. Было время, когда в моду вошли желтые стеклянные сервизы, но их тоже было не так много. В девятнадцатом веке некоторые предметы искусства изготовлялись в желтом стекле, но все-таки это был не слишком популярный цвет.

Оранжевое морское стекло — самое редкое из всех разновидностей. Оно почти не выпускалось, так как на него не было значительного спроса. В конце девятнадцатого века в Америке и Европе производилось декоративное стекло, которое называлось «амберина». Оно было скорее оранжевым, с желтоватым оттенком, янтарно-золотым. Из него делали чаши, вазы и другие декоративные предметы, но в очень ограниченном количестве. Можно найти одно стекло на десять тысяч штук.

Красное морское стекло тоже весьма раритетное, но все же его находят во многих местах по всему миру. Для его изготовления использовалось золото, именно поэтому оно очень дорогое. Различное количество золота давало разные оттенки красного, так что ярко-алое и темно-красное стекло весьма нечасто встречается в наши дни на пляжах. Красное морское стекло получается из задних фар автомобилей, сигнальных огней яхт, фонарей, светоотражателей и красного орнаментного стекла, изготовленного в конце девятнадцатого века, когда золото уже не использовалось.

Где он теперь, тот, что носил эти очки, душился этой водой? Писал чернилами из элегантной стеклянной баночки? А может, сидел за рулем автомобиля, чей кусочек фары в ее ладони, и теперь в ней отражается только солнце. Кто пил из этой бутылки? Когда? Поколение назад или больше? Выпил воду жизни, трах-бах, и все вдребзги.

Что останется после меня?

Как свет звезд, достигающий нас через миллионы лет, так и морское стекло — весточка из прошлого. Разрыв не преодолеть.

Морское стекло можно найти во всех уголках планеты, на пляжах России, США, северо-западе Англии, Мексики, Гавайи, Пуэрто-Рико, Новой Шотландии, Италии и Южной Испании. Лучшее время для поисков стекла — весной, время большинства приливов и отливов, и в течение отлива воды после бури.

Волны естественным образом шлифуют острые края стекла и превращают стеклянные осколки в гладкие камни. Сочетание солнечных лучей и постоянного трения делают поверхность стекла заиндевелой, вытравленной или крапчатой, и такой вид присущ любому кусочку морского стекла по всему миру.

* * *

Красное. У нее никогда не было красного морского стекла — ни от разбившихся сигнальных огней, ни того, что с золотом. Сочной капли крови, стекающей по запястью в ладонь. Иногда кажется, что вот оно, то самое. Но нет, еще можно собирать другие. Не столь редкие. Сладкий мармелад в копилку жизни. А острое красное оставим на потом, да, дорогая? Потерпим, подождем.

Из горсти камней она выбрала три ярко-зеленых и одно лазорево-ледяное, похожее на застывшую слезу.

* * *

— Доброе утро!

— Доброе. — Она взглянула на него исподлобья. Неужели?

— Как поживает госпожа Никто?

— Хорошо поживает.

— Я тут не знаю никого.

— А ты уверен, что меня знаешь?

— Ну хотя бы в лицо. Смогу отличить от сотни-другой отдыхающих.

Она невольно улыбнулась. Он кивнул на морские стекла.

— Это археологические раскопки?

— Это дары моря.

— Красиво. Сразу видно, ты девушка с высокими эстетическими принципами. Не хочешь пойти выпить кофе? Вообще я предпочел бы чего-нибудь съесть. Барашка на вертеле, чесночной похлебки или пирога с сыром. С утра маковой ро-

синки во рту не было. Я же один, и готовить мне некому. Позавчера вот сварил гречку и питаюсь ей уже пятый день.

— Точно пятый? И почему не завтракал? А гречка?

— Я думал, она еще осталась, но там ничего. Сплошные утраченные иллюзии. Пришлось идти на берег, собирать мидии, тут я тебя и повстречал!

— Вот загибаешь!

— Как тут загнешь. Смотрю — девушка что-то ищет, я и решил тоже поживиться, думаю, что-то вкусное, не иначе.

— Сейчас время обеда, там толпится народ.

— Ну и что? Сядем в уголке. Обещаю не задавать лишних вопросов и поделиться похлебкой из ягненка.

— И не жалко ягненка?

— Возьмем форель.

На следующем отрезке пляжа, через волнорез, виднелся желтый шатер кафе.

— Не сомневайся, идем!

За темными гладкими деревянными столами, с белыми парусами салфеток и маяками солонок-перечниц посередине, уже сидели зашедшие в гавань отдыхающие, семьи, компании, пары. Но дальний стол был и правда свободен.

— Еда сближает! — торжественно произнес он, раскрывая меню.

— Особенно соль, — она повертела в руках металлический цилиндр с белыми крупинками и вернула на место.

— В смысле?

— Съедаешь пуд соли и получаешь огромный экзистенциальный багаж.

— А-а-а. А стол как алтарь, на котором преломляется хлеб насущный? И даже если преломил его с врагом, он становится тебе другом?

— Возможно, еда — это просто еда, и не стоит искать в ней подтекст.

— Контекст! Важен именно он, так что ты не путай.

Хозяйка принесла обжигающе горячий острый суп и сырный пирог.

— Что будете пить, молодые люди?

— Кофе? — он посмотрел на нее. — Два кофе. И лимонад. На ваш выбор. Знаешь, я каждый день покупаю разный лимонад. У них богатый ассортимент.

— По-моему, обычный.

— Можно выбрать лимонад для вдохновения или тихой грусти, нет, можно, конечно, и тихой радости, но я обычно не беру — радоваться надо громко и отчаянно. Есть даже со вкусом когнитивного диссонанса, пьешь и глоток за глотком его испытываешь, но, на мой взгляд, он чересчур газированный и кислит. А всего должно быть в меру. Тебе бы я посоветовал начинать утро с оранжада. Он отлично бодрит. И после него хорошо ложится загар. Ходишь потом такой весь немного румяно-апельсиновый. Но ты выберешь что-нибудь мятное. Я тебя знаю.

— Я выберу бруснику.

— Забыл совсем, что девушки с севера всегда выбирают бруснику-грустнику.

— Ну, извини, что я не королева юмора. А ты всегда такой веселый? Шутка на прибаутке?

— Я хочу показать тебе, что я безоружен. Блаженные безопасны для вашего здоровья.

— Ну-ну. Сначала человек шутит с тобой, а час спустя запикивает тебя в багажник авто.

— Что, так все и было?

— Нет, читала в одном романе. Выглядело убедительно.

— Ох, уж эти писатели! Да, я принимаю твою игру!

— Какую?

— Отринем социальные одежды и, выброшенные на берег моря, словно младенцы, начнем все сначала, абсолютно нагие, укрывшиеся по случаю местными фиговыми листьями. Благо фиги тут растут в изобилии. И что они туда кладут? — он поводит в супе ложкой, словно надеясь обнаружить клад.

Она пожала плечами:

— Перец чили.

— Подозреваю, что кайенский. Я как раз видел вчера дочку хозяйки, она вылезла из огромного «порше кайен», водитель остановился поодаль, на той тенистой улице за железной дорогой. Видно, чтоб мать не увидела. Думаешь, стоит ей рассказать?

— Он старше нее?

— Стекла были затонированы. Помахала ему рукой. Сказала: «До встречи!»

— Она ведь еще школьница!

— У них был вид воров, которые удачно что-то украли.

— Думаешь, надо ей открыть глаза на происходящее? — они вдвоем посмотрели в сторону хозяйки, та стояла за прилавком и была занята с покупателем.

— Ситуация довольно пикантная.

— Я бы сказала, деликатная.

Хозяйка вдруг поймала их пристальные взгляды и направилась прямо к ним. Они переглянулись.

— Ваш лимонад, молодые люди.

— Да-да, спасибо.

— Ты промолчал!

— Заметь, ты тоже!

Какое-то время они безмолвно цедили газировку.

— А ты уже бывал здесь?

— Когда-то в детстве, с родителями. Толком и не помню ничего: какой-то большой дом, сад, в траве валяются ягоды инжира, течет сок, осы злые — не подходи! Пляж, галька впивается в ноги, и вдруг — море щекочет за пятки. Такое смешное чувство. Когда захожу в воду, мне до сих пор кажется, что оно будто пес, узнавший давнего знакомого, облизывает, кидается в ноги, зовет поиграть. Тени от солнца на стене дома, входишь в них, и они отпечатываются на тебе.

Не помню даже название города, только ощущение тепла, бесконечного светлого дня, и мама даже как-то меньше ругалась, она строгая была, а папа учил меня плавать. И еще мы играли с кем-то в прятки в саду...

— А я первый раз здесь. Когда я была маленькой, родители меня не брали на море, отправляли к бабушке в деревню. Нет, там было хорошо, даже лучше, чем дома. — Она вздохнула.

— Слушай, выливай ты свою бруснику, пока не поздно. А что ты делаешь завтра? Собираешь милостыню моря?

— Собираю.

— А перенести нельзя? Я хочу съездить в город. Скучно одному.

— Нет, не поеду. Я там уже нашла то, что можно было найти.

* * *

«Поздравляю! Когда стрелки в двенадцать сойдутся, Новый год повстречает страна, я хочу в этот час улыбнуться, с Новым годом поздравить тебя». Пр-т Трапеции, 6, Карабулат Е. Г. от Юры. На открытке Дед Мороз ехал в санях, запряженных конем в яблоках, рядом сидел мальчонка — наверное, новый годик, в руках он держал

красный флаг с белым голубем мира, на полозьях примостились зайчата, а на заднем фоне, среди звезд, летела ракета. Художник Гиршберг, подписано к печати 9 сентября 1960 года. «Дорогие мама, Тамара, дядя Жора и бабуля, поздравляю с Новым годом. Желаю вам жить счастливо, Светлицевым и Карабулату». Памятник Ломоносову на фоне МГУ, в цветах сепии, подписан в печать 4 июня 1955 года.

Он вертелся на языке, этот вопрос: что с ними стало, с этими людьми? От которых в разрушенном доме остались лишь открытки более чем полувековой давности.

— Помнишь, раньше всегда писали среди прочего — и сам выводил детским почерком: «мирного неба», и тогда казалось, что мирное небо — это данность, что твои деды отвоевали его навсегда, что войны не может быть. А потом все посыпалось. Оказалось, может быть и война, и теракты, и запредельная жестокость. И что люди никогда не перестанут убивать друг друга.

Война никогда не кончается, она отступает туда, откуда выплеснулась, как огненное варево — в людские сердца, и клокочет там, готовая по первому зову вновь все сжечь без пощады.

* * *

Здесьняя архитектура отражала все изобилие, плодородие и пышность юга, всю мощь когда-то огромной страны. Роскошный сталинский ампир — чаши в виде цветов, пальм, виноградные гроздья, фрукты, здания непременно с колоннами.

Разглядывая увитые плющом заброшенные станции, на которых уже больше не остановится ни один поезд, огромные вокзалы, полуистерзанные, замершие, как машины, провалившиеся в момент жестокой охоты в вечную мерзлоту, дома — половина стоит с выбитыми окнами, щербинами от обстрела, а в другой — цветы, шторы, по-прежнему жизнь, не покидало ощущение, что ты бродишь по осколкам исчезнувшей цивилизации. Так ходят среди пирамид, по Колизею и Парфенону.

Все это отжило свой век с другими людьми. Уже не было энергии и того возвышенного смысла, ради которого стоило восстанавливать разрушенное. Война снова могла начаться, каждую минуту. Виноград рос запросто под окнами, и не стоило заковычивать его в дорогой камень. Отдыхающие прекрасно обходились без вокзалов, они любили природу. Новая цивилизация запечатлевала себя на фоне многочисленных пальм ботанического сада и выцарапывала на стволиках в бамбуковой роще: «Здесь был Вася». Может быть, вездесущий Вася как раз и не менялся. Может быть, на нем и держался мир, а не на каменной черепахе местного заповедника. Каждый старался взобраться на нее и сфотографироваться, зритель одергивал очередного любителя: «Мы мзды не берем, за державу обидно!» Жилистый загорелый паренек в шортах запрыгивал черепахе на голову. «Ну, молодой человек! Не нарушайте!» Его красивая девушка смущенно и настойчиво делала выговор: «Вася, не нарушай! Не нарушай флору и фауну!»

У витой, железной, на века, скамейке была выбита секция, и починит ли кто-нибудь — неизвестно.

* * *

Земля зализывает раны, и то, что брошено людьми, забирает себе, оплетает, живые хоронят мертвых и постепенно их забывают, и боль становится привычной, сливается с тонким звуком секундной стрелки и током собственной крови.

Мертвые смотрят с неба и греют лица на солнышке, глядят на неведомых внуков, играющих среди травы, ощупывают раны и смиряются с тем, что ничего не вернуть...

Жизнь тоже залатывает бреши, поверх лакун и гробов, вьет невидимые нити, и ткань бытия не рвется, а дальше и дальше ткется. Только если провести рукой, оцарапает где-то шов. Был человек, но с войны не пришел.

* * *

— Смарите, чего покажу, — толстый отдыхающий, загорелый, в плавках и черной кепке, поманил их рукой — и родителей Димы, и кого-то еще, бредущего по пляжу. — Мальцу, поди, интересно будет. Толстый ткнул рукой на приступ волнореза — там что-то лежало.

Димин отец, мельком глянув, отправил всех в обход, а мать закрыла малышу лицо ладонью. Прошли мимо, не поднимая глаз, не оглядываясь. Толстый разочарованно пожал плечами.

— А что это? — Она вдруг почувствовала, как по телу побежали мурашки.

— Дельфиненок мертвый, — бесцветным голосом ответил Димин отец, высокий крепкий парень, и сильнее прижал к себе сынишку.

* * *

Сидеть допоздна во дворике, когда одни отдыхающие разбредаются по комнатам — отдыхать, смотреть телевизор, другие остаются здесь же, но говорят тише, голова к голове. В бокале вино или в кружке чай. Кот, свернувшийся на коленях. Трескущие цикады. Аромат инжирного варенья на весь дом, томная ягода на блюдечке в темном, тягучем, словно каштановый мед, сиропе. Да, наверное, отдых на юге именно таков, это нескончаемая банка варенья из инжира. Сначала, как оса, барахтаешься, потом затягивает.

Никто тебя не знает, не трогает. Можно отделяться общими фразами. Она поднимается к себе, выглядывает в окно, ниже знакомый голос:

— Что это за отдых, я тебя спрашиваю? Дома готовишь, здесь готовишь, все время у плиты или с ребенком, на себя времени не остается. Приготовь, помой, убери. На пляж вышел — вернулся, приготовь, убери, постирай. Вот и день прошел. А я тоже человек! Вот тебя ничего не касается, ни-че-го. Есть что покушать у ребенка, нет. Чистая у него одежда, нет. Бегаешь туда-сюда целыми днями, а толку от тебя ноль!

Он пытался оправдываться и даже пару раз повысил голос. Потом она закрыла окно, но все равно было слышно, как они препирались и она распиливала его, распиливала. И где только такому научилась? Может, у собственной матери?

Что заставляет этого мужчину жить с этой женщиной? Любовь? Одиночество? Как-то сошлись, поженились. Ребенок. Ну да, в годах, надо устраивать как-то жизнь. А может, были молодыми. Она хороша в постели. Или напоминает ему мать — привычная модель, которую не хочется разрушать. Чужая семья — потемки, только иногда оттуда как полыхнет.

* * *

— А как тебя зовут?

— Вера.

— Вела?

Вела, вела и увела. Как одинокая ветла.

Тетка любила дурацкую приговорочку: «Верам и Раям далеко до рая», назвали бы хоть Вероникой, а что это Вера? Вот у меня была одна, — и она рассказывала про

несчастливую Веру, потом про Раю и говорила, что женщинам с этими именами не везет. И сознание услужливо подсказывало историю соседки Раисы, которую муж бросил с двумя близнецами, и она всю жизнь проработала санитаркой в больнице, кое-как перебиваясь, ставя детей на ноги.

— А у тебя есть мус?

— Мусс? Пенка для волос? А зачем тебе?

— Какая такая пенка? Мус! Как ты не понимаеc, мус — как мой папа!

— А-а-а! Муж! Мужа нет. — Отлегло от сердца, ищи его, этот мусс, может, еще придется из него облака делать или поддельные сливки.

— И лебенка нет? А где ты зывес?

— Ни ребенка, ни лебеденка. Живу в большом городе. Из одного окна у меня виден лес, из другого — река.

— А у меня есть блат, но двоюродный. Он в Волонезе. Мы к нему потом поедем. На две недели. А потом в Лизань. А плавать ты умеес? Я умею в зылете, но папа меня учит и без зылета. И на следующий год я научус, навелное. Папа так говолит. Если плавать не умеес, на море остолознее будь, утонес есе. Так мус бы спас, а бес муза сто — ничего, — он развел руки. Какие-то мысли пробежали по его лицу, некоторые он успевал ловить и обличать в слова, обрушивая на собеседника, заставляя того в свою очередь морщить лоб от шифровок. — А это, видис, масина моего папы! «Мелседес». Клутая. Мой папа военный. Мама тозе военная, лаботает в части. И все мы в Лизани. Сюда, знаес, сколько ехали, два дня! Ты умеес иглать в супелгелоев? Супелгелои оцень клутые, у них есть супелспособности.

И они играли в супергероев, и Саша, как Человек-Паук, лез на небоскреб, чтобы спасти принцессу от злодея, и опускался в море, чтобы достать затонувшую подлодку. В его распоряжении был и огненный дождь, и смерчи, он летал, круче Бэтмена и Супермена, и враги боялись его больше Росомахи.

* * *

Людьми в доме правил кот Персик — царственная особа персикового окраса. Его полагалось почитать, и он знал, что является тут хозяином, милостиво брал предложенную постояльцами еду, принимал ласку, вольготно возлежал на стульях. И даже Лена отдавала лучшие кусочки Персику, как будто надеясь приобщиться к его власти и влиянию.

Под ногами бегал пестрый, бело-серо-рыжий котенок, еще двое приходили в гости. Совали мордочки в миски, вились под ногами. И всегда получали свое.

Однажды в темноте, у рукомойника, из кустов вынырнула огромная собачья голова с печальными глазами, сунулась в миску, облизала дно одним движением и исчезла.

В соседском саду паслась лошадь, и солнце вызолачивало ее шерсть до огненно-рыжего. Прямо у шоссе гуляли коровы, за которыми никто не присматривал. Казалось, они живут своей самостоятельной жизнью, наравне с людьми. Внезапно что-то побуждало их переходить на другую сторону дороги, и машины, несущиеся на большой скорости, притормаживали, пропускали.

Одним вечером выяснилось, что сказочный конь принадлежит блондину в шляпе с пляжа, Альбертику. Тот картинно пронесся галопом, на мгновение обернувшись с торжествующим видом. Не хватало еще, чтобы он снял шляпу и погарцевал, но об этом она успела подумать, когда он уже удалялся под оглушительный цокот копыт по асфальту.

* * *

К вечеру в гостинице появились новые постояльцы — какая-то веселая компания немолодых, но тех, что без возраста, мужчин и женщин. Она слышала их голоса сверху, в сумках гремели бутылки пива, шуршали вынимаемые пакеты с закуской.

— А я ему говорю, такая...

— Ребята, где уголь?

— А кто нанизывает? Серега?

— Девочки, надо нарезку по тарелкам и огурчики помыть.

— Нет, а я ему ...

— Какой козел!

— Наташка, носи бокалы. Нету? Ну где-нибудь там поищи! Это Вадик может из горла, а я не могу.

Запахло дымком, разожгли мангал.

— А салатик обязательно резать? Остается всегда салатик! Может, просто овощи к мясу?

— Соус, соус не забудь, этот вкусный, который на рынке купили.

— Мы три банки купили, какой?

— Все ставь! И хлебушек деревенский, и сыр.

— Ой, плакала моя диета.

— Как будто ты сидишь на ней.

— Ничего, завтра поплаваю в море.

— Завтра? — звенели бутылки, и кто-то смеялся. — Боюсь, что завтра не получится.

Они жарили мясо, пили пиво, делились впечатлениями от первого дня отдыха, строили планы. Потом приглашали к столу спустившихся к ужину других постояльцев, и скоро раздался голос Лены, что-то уверенно объясняющей.

Сумерки быстро превратились в густую синеву вечера, зажглись фонари, тут же налетели мошкара и мотыльки. Еще тлели угли в мангале, и кто-то без энтузиазма предлагал положить в них запекаться картошку.

— Нет, все-таки пиво тут не то. Вот из Турции везут — оно настоящее.

— И сигареты. Турецкие лучше раз в сто.

Ирена Кареновна постучала в дверь, нужно было идти ужинать.

— Саша, ты иди поиграй. Скучно тебе? Ну возьми планшет. Только руки помой. — Он было побежал в комнату за планшетом, но, увидев Веру, остановился:

— А можно я с тобой?

— Можно, садись. Ты уже поел?

— Поел! А ты сколо уедес, Вела?

— Еще побуду. Не скоро.

— На моле ходила сегодня?

— Ходила.

— И сто видела? Дельфинов видела? Вот мы с папой тлех видели. Они высоко плыгали.

— Я бы тоже хотела посмотреть.

— Ну так смотли! Ты, навелное, в черных оцках была. А в черных плохо видно.

— Нет, я была в розовых. Я обычно в розовых.

Застолье понемногу утихало, все разомлели от обильного ужина и спиртного, реплики стали реже и тише. Кто-то ушел в комнаты, кто-то пил чай или курил в беседке за домом. Шашины родители выбрались из-за общего стола и сели неподалеку.

— Ох, как я счастлива! Так давно хотелось копченого леща. Душеньку сегодня прямо отвела.

- Таманские-то лучше были лещи. Жирнее.
- Ну и эти ничего. Са-аш, чего ты там завис? Иди к нам!
- Я тут хоцу.
- Пусть посидит, я не против.
- Са-аш, что ты там бормочешь? Ты бы рассказал хоть, где был. Как в Кучугурах купался и рыбу ловил. Интересно же.
- Знаес, у нас в садике есть девочка, Лозечка.
- Ну и имена теперь дают! А Вилочки у вас там нет?
- Да, очень класивое имя. Как цветок. Вилоцки нет.
- Ложечка — это цветок?
- Лозачка! Лоза!
- А, Роза!
- Ну Лоза, Лоза, что тут непонятного!

У Розочки были светлые волосы и синие глаза. И любимая кукла, и еще лошадка. И свой собственный планшет.

Он бежал к Вере, как собачонка, которую вдруг погладили и приласкали, которой наконец дали место. Был даже назойлив, подкарауливал, не давал шагу ступить. Тарабанил в дверь, звал в окно. «Вела, а сто ты делаес? А куда пойдес?» Спешил все рассказать — а вдруг и тут оттолкнут, прогонят, ударят. И она продиралась сквозь нагромождения неверно употребленных согласных, путаную речь: видис, мозес, хощес, сказес. Слова с острыми краями, которые еще надо будет обтесать, превратить в камушки, не режущие слух.

Кажется, что нужно ребенку — одет, обут, накормлен. Чистенький, ухоженный. Вывезли на отдых.купают в море. Всё для него.

* * *

Утром Вера проснулась от резких, странных звуков, напоминавших то ли хлопки, то ли выстрелы. Выглянула с балкона — Лена, стоя у мусорного ведра, ногой сминала пластиковые бутылки.

— Вот так хорошо. А то развели. Не влазит уже никуда. — Чпок! Сплющивалась очередная жертва. — Иду я, иду, — она сполоснула руки, взяла полотенце с веревки и ушла по тропинке в саду.

— Ирена Кареновна, а сколько они еще пробудут?

— Пять дней, милая. Да, бывают такие жильцы, что принимают себя за хозяев. И тяжело, и не хочется никого обидеть. Пусть так, переживем.

* * *

В харчевнях — прямо из печи, с пылу с жару, пироги, похожие на золотистые лодки, груженные желтками солнц, в тарелках дымятся похлебки и ароматные супы, с пряностями и травами, в глиняных горшочках томятся мясо и овощи, запеченные под густой сырной шубой. Наливают, не жалея вина, мандаринового сока, часами пьют кофе и тянут лимонад. Южные варенья — слишком сладкие, тягучие, словно вбирающие в себя лето, фрукты и ягоды зависли в сиропе, как диковинные создания в янтаре.

— А ты не знаешь, где здесь можно купить варенье из лепестков роз? Может, на рынке в городе?

* * *

— Есть такое особое время — предзакатный час, когда весь мир погружается в мягкий золотой свет. Ты сидишь у открытого окна или на детской площадке, просто где-то на лавочке у подъезда. Немного в стороне, как на берегу моря. Слышатся голоса ребятишек, крики, плач, удары по мячу, подростки спорят ломающимися голосами, обрывки разговоров случайных прохожих, гудки автомобилей, хлопанье дверей, шум электрички. И сквозь все это льется и льется золотое свечение, вплетая звуки. Ты закрываешь глаза, и кажется, что еще чуть-чуть, и тебе откроется тайна всего. Да, всего. Мироздания, нашей судьбы. Ответ уже где-то готов, и ты его предчувствуешь, слышишь, еще совсем чуть-чуть — и все узнаешь. Теплые лучи застыли на лице, замираешь между сном и явью. Ура! Ура! Забили! Красавчик! Как ты его, сделал, а? Молодца! Я тебе целый день звоню-звоню, а ты трубу не берешь. Разряжен? У тебя всегда разряжен! Mam, а в магазине чего купить? А сдачу можно себе? Настенька, почему ты плачешь? Нет, надо идти домой, собирай свои игрушки, не плачь, мы завтра еще выйдем. Главное — не открывать глаз, а то все пропустишь. Еще мгновение, вслушиваешься, и вдруг — холод. Солнце заходит. И с ощущением растерянности и невосполнимой потери ты врываешься в сумерки.

* * *

Из века в век, когда еще не было глаз, которые могли это увидеть, из года в год эти волны бились о берег так же, как и сейчас. Для кого? Для чего? На мертвой планете, где не было жизни.

Море — колыбель, прародина, манит вернуться к первоистокам, покачаться в ритме волны. Вспомнить то, что спрятано где-то внутри.

Ведь ничто не проходит бесследно, человек — безграничная флешка, карта памяти, все записывается и записывается, гены — виниловая пластинка, потом ее кто-то прослушает на проигрывателе и задумается: ну что, хорошо получилось? или не очень?

Через неделю на море — пятки, как у младенца, отполированные волнами, возвращайся в детство, в детство человечества, в свою купель. Зачем ты вышел на землю, зачем покинул утробу матери? Дельфины играют на горизонте — остался бы, тоже играл бы с ними, может быть, научился управлять цунами и тайфунами, строить подводные города, разговаривать с рыбами. Что понесло тебя на сушу?

Родиться заново, смыть печали и заботы, усталость, наросты дней. «Будьте как дети», — только это и поют волны, изо дня в день, из ночи в ночь.

Но мы едем на море, чтобы доказать свою взрослость.

Внутри что-то сломалось, и никто никогда уже не починит.

А если ты болен неизлечимо, висишь между жизнью и смертью.

От чего нет лекарств. И попросить бы живой воды, да кто же подаст.

* * *

— В среднем человек живет шестьдесят лет.

— Но первые двадцать он находится в неосознанке, давай считать сорок.

— Хорошо, сорок умножаем на триста шестьдесят пять. Четырнадцать тысяч шестьсот дней.

Четырнадцать тысяч шестьсот дней. Это наша жизнь.

* * *

— Отец умер, когда мне было двенадцать. Инфаркт. Раз — и нет человека. Как будто кто-то нажал кнопку, и его сердце выключили. Мне казалось тогда, весь мир должен остановиться, замереть. Но он спокойно двигался дальше по своей траектории. Люди вставали, завтракали, ехали на работу, улицы были полны спешащих по своим делам. В магазинах покупали пельмени на ужин, торты на десерт. Дети играли во дворе, гоняли мяч. Я слышал их крики и смех сквозь открытое окно. Матери надо было оформлять какие-то бумажки, ходить по инстанциям. А я все сидел в кабинете, где по-прежнему лежали его вещи, на стуле висел пиджак, колыхалась на сквозняке штора, тикали огромные часы. Он вот-вот должен был вернуться, но не приходил. Я вздрагивал при каждом звуке с лестничной клетки: едет лифт, вот сейчас-сейчас, он даже открывался на нашем этаже, а потом я слышал, как соседка ковырялась в замке и хлопала дверь. Почему не ты, папа? Почему ты? Ты был такой молодой, полный сил, ты понимал меня, как никто. Уставший, после работы, умывшись как следует — вода во все стороны, вытирая лицо, — выслушивал мои новости. «Ничего, сынок, ничего, мы вот как сделаем». Мы сделаем, разберемся, ничего. Все поправимо, кроме смерти.

Однажды на реке ты спас меня, не дав провалиться под лед, крепко держа за руку. Если бы я мог так же — выволочь тебя оттуда, из небытия, словно из полыньи. Но я был мал и бессилён. Иногда мне кажется, что вот сейчас — могу. Но уже поздно. И где-то внутри я навсегда останусь тем мальчиком двенадцати лет, со смертью отца ощутившим себя в этом мире голым и беззащитным, словно младенец.

* * *

За соседним столиком обедали мать с дочерью лет семи. Девочка вытерла рот рукавом платья, мать строго посмотрела на нее:

— Будешь так делать, мужа хорошего не найдешь.

* * *

Морское стекло еще называют «слезами русалки» — морские девы наплакали, о женихах с земных кораблей, о своей доле. Разбитые сосуды, разбитые судьбы.

В недрах моря водят нимфы хороводы в такт движению волн. Лунной ночью выйдут на пустынный берег, меж сетей танцуют до самого утра. Песни их прекрасны и легки, как ветер, и летят над морем, вторит им волна.

Заприметив парус, нимфа ждет героя, для него все песни, и о нем мечта. Нимфа ждет героя, смотрит вдаль упрямо, но опять встречает простого рыбака...

* * *

Люди тоже бывают точно заброшенные железнодорожные станции — и никакой коммуникации, и ржавые рельсы, полуразрушенные здания. Зарастают плющом, колючей ежевикой, сорными травами, корни окрестных деревьев взрывают фундамент. И не добраться до другого. Война не кончается, она просто отступает. Принимает иные формы, когда ты воюешь с другими и самим собой.

* * *

— Отношения тяжелые сноха — свекровь. Но со мной ведь нетрудно было ужиться. Все тащила сама — еда, квартира, детям — одежда, велики, теннис, хоккей. А она просто банальная халда и лентяйка. Семейных ценностей у нее вообще не заложено. Ни о детях, ни о муже не заботится. Вечно голодные. Все сами делают. А у нас все было по-другому. Дети на первом месте. Мне кажется, и выхода из этого тупика нет. Она еще и орала на меня — достала, все вам не так. А ведь и правда все не так. Тещу их уже несколько лет, в итоге сама и виновата.

А он что? Любовь зла ...

Ни учиться не хочет, ни работать. Семья неблагополучная. В детстве их мать учила — в прямом смысле мордой об стол. А отец — топором косички обрубал за неповиновение. В школе забеременела, лишь бы из дома уйти. При всем при этом я ее приняла по-человечески, с детьми занималась, для них ничего не жалко было. Скажи, найдется еще человек, чтобы вот такую, с двумя детьми, содержать, заботиться. И вместо уважения и какой-то благодарности — одни претензии. Сидит дома — ни приготовить, ни убрать. Мне не надо, мне бутерброда хватит. А детям?

Не знаю, как быть. Я бы хотела жить вместе, но при нормальных отношениях. А она съезжать готова, твоя мать достала меня, ищи квартиру срочно. Какую, к черту, квартиру, у него зарплата десять тысяч. Такие вот мы с ним, детей пожалели. Мальчишек отец бил, сама в бараке жила без воды и отопления, только на детские пособия. А теперь — как в сказке о Золотой рыбке. Только у рыбки уже нет сил делать чудеса. Добром это все не кончится. Что тут сделаешь?

* * *

— Мой дорогой, почему на ужин никогда не заходишь? У нас самые красивые звезды в округе.

— Заходите, заходите, мясо свежее на мангале, — хозяин «Амры» водрузил на стол фонарь, старинный, тяжелый, неужто керосиновый? — Пойду крабов ловить ночью. Садитесь, вином угощаю. Лия, неси вино, неси закуски.

Они засмутились, переглянулись, не зная, оставаться им или уйти, но стало ясно, что не стоит обижать хозяина отказом.

— Вот и правильно! Вот и хорошо! Вы еще не уезжаете? Спешить не нужно! Чтобы узнать землю, надо пожить на ней, присмотреться как следует. Кто приехал на неделю — он не понял ничего, все бегом. А ты не торопись, ты ходи, слушай. Тогда поймешь душу земли. Красивый край у нас, правда? Вернешься на следующий год? Как не знаешь? Тут все говорят «не знаю», «как получится», а потом приезжают. В ноябре, представляешь, как здесь красиво! У вас там снег, серое небо, а у нас — все зеленое, тепло, на деревьях мандарины висят. Отдыхающих почти нет, тишина.

Лия принесла тарелку с шашлыками, овощи, зелень, сыр.

— Кушай, пока мясо горячее. Пока сочное. — Он разлил вино. — За дорогих гостей!

— Что, вкусно? Даур умеет мясо готовить! А вино? Весь букет юга.

— Дочь замуж собралась. Не заметил, как выросла. Невеста уже. Вот и дедом буду. Не думал, что доживу. Вообще не думал, что жив буду.

— Война — это страшно, ты молодой, не воевал? Дай Бог, чтоб не пришлось. Мы мирные люди, жили, детей растили, мы не хотели войны. Но когда она приходит к тебе в дом — что остается? Прятаться? А можно тебя тогда мужчиной назвать?

Это была наша земля, бежать некуда. Воевать не умели, знаешь. Сколько людей полегло, страшно вспомнить. Да что говорить...

У меня была русская жена. Русская. Знаешь, красивая такая, волосы светлые. Пела, смеялась. Ребенка мы ждали. А тут война. Начались обстрелы, бомбежки. Я ее просил: «Вам надо в Россию, уезжай!» Она ни в какую. Осталась. Однажды вечер такой был... Как сейчас. Тишина. И позвонил телефон. Таня пошла на кухню трубку взять. И вдруг взрыв, меня волной откинуло. Я даже не ходил туда, сразу все понял — прямое попадание, о чем тут можно говорить... Теща в соседней комнате была, шестьдесят лет, засыпало кирпичом. Откопал ее, вытащил, сидит в кресле окровавленная и повторяет:

— Где Таня? Где Таня?

А Таня лежит у ее ног, накрытая простыней, голова оторвана. — Он вытер слезы.

— Как жить после этого? Только если ненавидишь — живешь. Вместо любви ненависть греет. Иначе бы умер. А так я знал — надо идти воевать. Надо стрелять. Надо отстоять землю. Надо защитить чью-то Таню. Пусть она выживет, пусть будут у нее дети.

А самое страшное наступило, когда война закончилась. Тани нет, тещи нет, дома нет. И тебя как будто тоже нет. И вот Лия — она меня спасла. Она жизнь моя. — Он махнул жене рукой и что-то крикнул ей на своем языке. Она ответила, рассмеялась.

— Нет выбора у мужчины, когда приходит война. Вот так.

Возвращаешься с моря вечерней дорогой, трещат цикады, пахнет коровами, кипарисами, висит в садах виноград, сушатся сена стога, хмель опутал высокую изгородь. Слова прошедшей беседы висят внутри, как созревающие плоды. А в соседнем кафе — два силуэта за столом — кто-то страстно твердит: «революция, революция», «поступок должен накапливаться опытно, сможешь или не сможешь?» И она крутит эту фразу, пытаюсь докопаться до сути — что за «опыт поступка»? Откуда?

Мандариновый свет окон в чужих домах, где застолья до полуночи, смех, голоса. Вот бы тоже домик у моря, чтобы друзья приезжали, и долго сидели все за большим столом, слушали шум прибоя, и тоже — о революции, и об искусстве, и о поступках, способных мир изменить.

Все могло бы быть. Жизнь могла бы вместить южную ночь с тысячью звезд, с дыханием моря, притихшими виноградниками и волшебными окнами.

Только по-настоящему ничто ей самой не принадлежало. Она уедет, исчезнет, и все останется, как есть, не шелохнется ни травинка, не сдвинется с места камень, и фонарь сквозь тьму будет светить кому-то другому. Существует она в этом мире, нет, ему — огромному — безразлично.

— Я пойду. Завтра увидимся, — не оборачиваясь, Вера шагнула в темный проем среди листвы, где была калитка.

* * *

— Вела! Ну ты сто! Куда пропала! Я узе думал, сто ты уехала. Искал тебя весь день.

— Нет, я просто гуляла. С... другом. Да, другом.

— Саша, иди завтракать, хватит болтать. Так, где эта поганка? — Вера невольно вздрогнула, ей показалась, Лена смотрит в упор и говорит о ней. — Кошка! Написала прямо на кухне. Ирена Кареновна, не переживайте, я сейчас ей устрою.

— Да я не переживаю. Шут с ней, с кошкой, маленькая, глупая.

— Тоже мне, глупая, прямо на кухне в туалет ходит. Нет, я это так не оставлю. — Лена заглянула под столики во дворе, метнулась в сад.

— Кыс-кыс, моя хорошая, кыс-кыс, иди, чего дам вкусного. — Мелкая серая кошечка, худышка-подросток с любопытством выбралась из-за кустов, и Лена тут же с победным воплем схватила ее за шкуру. — Попалась! Я тебе покажу, как гадить в доме, прямо носом, носом тебя, — и она побежала с добычей на кухню. — Получила? Поняла? Все она поняла. — Серая тень стрелой пронеслась обратно в сад. — Вот видите, Ирена Кареновна, просто надо пожестче с ними, это животные, антисанитария, запакостят тут всё. Не надо им лишнего позволять.

— Леночка, может, не стоило так строго?

— Ой, ну вы скажете тоже — строго. Прочитать не помешает. Так, Саша, ты позавтракал? Почему не доел? Собирайся, идете с папой на море. Я позже к вам подойду.

* * *

— Как же так получилось, что ты в монастыре не была? Тут же рукой подать!

— Когда сидишь на одном берегу реки и смотришь на другой, а рядом нет ни лодки, ни моста, тебе хочется туда. Но однажды переправляешься на ту сторону — и все, очарование исчезает. Или едешь в метро и слушаешь разговоры людей над твоей головой. Или сидишь где-нибудь в кафе, а они говорят у тебя за спиной. Слушаешь и представляешь их лица. Хочется взглянуть украдкой — угадал или не угадал, но в последний момент сдерживаешь себя. Что-то в жизни должно оставаться недосказанным, непроявленным. Недостижимым.

Дорога к монастырю вилась от подножия горы вверх, словно змея. Или то был змей? По одной ее стороне, в тени деревьев, стояли торговцы местным чаем, травами, медом, серебряными браслетами, серьгами, керамикой, длинными юбками и платками. Кое-где попадались таблички, где крупными буквами было выведено: «Адамово яблоко», и ниже — перечень болезней, от которых оно может спасти: радикулит, ревматизм, гипертония, артрит, невралгия, варикоз, подагра, рак, мастопатия, миома, экзема.

Чудодейственный фрукт лежал тут же, в коробках, ящиках и корзинах. Он действительно напоминал яблоко, у которого от большого умственного напряжения мозги вылезли наружу — кожа была толстой и бугорчатой. Эх, Адам, дружище, зря ты ввязался в эту историю с Древом Познания. Теперь твои потомки кушают эрзац и поправляют здоровье. Интересно, а чем может помочь Ева свои детям? Ни одной чудесной груши или живительного персика не наблюдалось.

— Место для строительства монастыря было выбрано в 1875 году по поручению афонских старцев. Вскоре монахами монастыря Святого Пантелеймона со Старого Афона было начато строительство монастырского комплекса. Объем работ был колоссальным: для расчистки площадки необходимо было срезать часть горы и вывезти десятки тысяч тонн земли и горной породы. Задача усложнялась тем, что место будущего монастыря находилось на значительном возвышении и не имело удобных подъездных путей.

— Так, пожалуйста, на входе надеваем юбки, на голове — обязательно платочки.

Какой-то мужчина укутывал ноги в излишне коротких шортах юбкой с запахом. Несколько других последовали его примеру.

— Во время русско-турецкой войны монастырь, еще не достроенный, подвергся разорению и разграблению, — с этой фразой группа туристов стала заходить внутрь.

— Пойдем?

Экскурсовод хорошо поставленным голосом продолжала свой рассказ, и до них долетали «нововизантийский стиль», «мастера из Палеха», «император».

Внутри храм был огромным, с небесными пурпурно-синими сводами, где сияли золотые солнца и блистали звезды. Уличный свет, отражаясь от стен, превращал воздух в голубое свечение. Всюду шла, переплетаясь, небесная и земная жизнь: Иисус, Мария, святые с нимбами, ангелы. Их лица были темны и строги. Он всё знал про мир, его прошлое и будущее и про любого из тех, что сейчас с любопытством или почитанием смотрел на них снизу. Карминный фон росписей напоминал о том, сколько крови было пролито за веру.

Тут каждый послужил Господу и делу спасения, и не было случайных людей.

Они были уверены, что в каждом смертном сердце заключена бессмертная вечность.

Господь, Создатель неба и земли, устроитель всего сущего, врачеватель наших ран, помощник наш в бедах наших, Отец наш небесный, с нами ли ты сегодня? С нами? Со мной?

— Во время войны здесь был госпиталь, только стены монастыря выдерживали обстрелы.

Облупившаяся краска на колоннах, арках, стенах. Поврежденные лики.

Экскурсовод влекла свою группу дальше и дальше, нужно было подать записки, купить иконки или керамику на память. А где-то уже ждал автобус и следующая точка на маршруте.

Они выбрались на улицу, и солнечный свет тотчас ударил в глаза, а кожу обволокла духота.

С площадки перед монастырем открывался вид на море. Вокруг, словно закутанные в темно-зеленые мантии великаны, высились островерхие кипарисы. Справа, еще выше, на горе виднелись развалины древней крепости.

— Может, туда? — она закрылась ладонью от солнца, обнажив беззащитное запястье, где по коже вилась белая чешуйчатая змейка. Поймала его взгляд:

— Фенечка на память. Показать, как плести? — Он ничего не ответил и ушел рассматривать сувениры.

Там, в церкви, они все знали, о чем она думала. И Пантелеймон, и его премудрый лев, и святой Николай, и Мария, и Марфа. Они знали, но промолчали.

Она не верила, что Бог здесь. Дома Его давно пустовали. Все, что он создал — полные удивительной красоты и сложности вещи, вселенные, планеты, цветы и камни, живые творения, — все продолжало существовать, но Сам он удалился от дел, и человек вряд ли более Его интересовал.

Невозможно было верить в Бога в мире, где зло творилось на каждом шагу и побеждало. Люди давно разочаровали своего создателя. Адам и Ева ослушались и солгали, Каин убил Авеля и так далее, и так далее — сердце какого отца выдержит все эти выходы?

Если знать, что Бог далеко, жить легче. Ты не питаешь лишних иллюзий. Не ждешь ни помощи, ни любви. Ты можешь полагаться только на себя. Почему Он не помогает? Почему не отвечает на молитвы? Почему дети умирают в муках? Почему это случилось со мной? Все эти вопросы теряют смысл, и никто их не задает.

* * *

Морское стекло — звезды, упавшие столетия назад в море и выплунутые на берег, пережеванные гигантскими челюстями, с хрустом, жерновыми судьбы перемолотые, уцелевшие — счастливицы. *Сколько раз человек восстанавливает свою жизнь? Сколько раз все перемалывается и выстраивается заново?*

* * *

Мы многое мним о себе, а если избавиться от лишнего, в руке останется только маленький камушек, и будет ли он весом? Пусть стекляшечкой, но в витраже у Бога, а не на какой-нибудь помойке.

* * *

— Брось немедленно! Брось, это мусор!
— Мама, ну ты посмотри, как красиво! Красивее, чем камни!
— Брось, я сказала! Это всего лишь стекло, это мусор! Его обкатало водой, но это всего лишь стекло!
— Мама, можно я его с собой возьму, оно такое красивое...
— Я кому сказала, брось?! У тебя уже есть камень! Одного достаточно!
— Но это стекло мне нравится больше! Можно я камень выброшу, а стекло оставлю!
— Нет, нельзя! Раньше надо было думать, до того, как камень брал!
— Но когда я брал камень, я не знал, что найду стекло...
— А мне плевать! — она отнимает у него стекляшку и зашвыривает подальше в море.

* * *

— Т-с-с! Ушли?
Через свернутый глянецвый журнал — немного выцветший, с красоткой на обложке — Саша глядел в направлении дома.
— Влаг отступил!
Но тут же послышались голоса и шаги со стороны калитки.
— Лазведдики! Ложи! — он проворно спрятался в канавку между грядками.
Земля была мягкая и пушистая, и это углубление между кустами словно по ее размеру. А говорят, человека не втиснешь в рамки.
С одной стороны висели глянецвые красные помидоры, с другой — лаковые фиолетовые баклажаны. Крона груши давала кружевную тень, и на лице чувствовался рисунок от нее. Поспевшие золотые плоды валялись здесь же, в них копошились осы и муравьи. Постепенно все звуки ушли, и казалось, можно почувствовать, как в глубине растут корни и пьют воду, как земляные черви копают ходы. Время остановилось, бесконечное тепло обволокло вокруг. Закрывать глаза, вжаться в землю, чтобы она обняла тебя со всех сторон, чтобы никто не заметил. Лежать, пока травы не прорастут сквозь, спеленают, и растворишься в них, и потом станешь той самой плетью цепкой ежевики, что оцарапает ногу случайному прохожему. И от соленой морской воды ему будет больно так же, как тебе когда-то.
— Са-ша! Ты где? Саша? Иди пить чай! — они, не сговариваясь, поднялись.
— Стой, что у тебя там? — на гладком плече расплывался темный синяк. — Это мама тебя?
— Где? — Он испуганно повернул свою белую голову.
Земля. Просто земля. Можно стряхнуть, и все как раньше.
— Идем!

* * *

— Ты была в заброшенном санатории?
— Санатории? Подлечивала ли я там нервишки? Возможно, разочарую, но — нет.
— И как ты тут живешь?

— Живу просто. Прекрасной растительной жизнью у моря. Туристические тропы для умных, любопытных и дерзких, я не претендую.

— Вот как.

Дорога в виде спирали. Изящный элемент мироздания, по которому развивается история, человеческая судьба и ДНК. Горы, дома, виноградники. Проблескивает море. Вершины, крыши, кипарисы. Пальмы. Она даже не слышала об этом месте.

— Был такой меценат, Николай Николаевич Смецкой, его супруга заболела туберкулезом. Ей рекомендовали теплый климат, так они здесь оказались. Это было в начале двадцатого века. Смецкой выкупил землю, построил несколько санаторных корпусов. Белый корпус на сто десять больных, и Красный корпус, на двести пятьдесят. Все жилые комнаты были расположены окнами на юг, а окна в палатах устроены так, что холодный воздух направлялся сначала вверх и затем, постепенно обогреваясь, распространялся по комнате. Всю ночь форточки держали открытыми, это было важно для лечения.

— Вокруг посадили пальмы, эвкалипты, магнолии, хвойные. Здесь был даже электрический лифт, ингаляторий, водолечебница, ванный водопровод, электричество, отопление, почта, экипажи, ледоделательный завод. Настоящие дворцы.

Это были благородные развалины. С дорическими колоннами, с аккуратно выложенной фигурной кладкой, когда-то белыми балконами, резными башенками, лепниной. Внутри — ошметки и завитки штукатурки всех цветов радуги, мусор, громады битого кирпича, обрушившиеся перекрытия. Снаружи стены оплел плющ, сквозь остовы зданий проросли кипарисы и сосны, на этажах сквозь пол — бурьян, а на первом — настоящий зеленый ковер из травы. Лестницы, по которым никто уже не пройдет, — во мху и обвалившемся, расколотом камне.

Внутри Белый корпус — с колоннами, подпирающими каждый этаж, был похож на храмы эпохи Возрождения, где, запрокинув голову вверх, следовало бы увидеть фреску с Богородицею и ангелами. Здесь же стены и потолок расписывал как будто сумасшедший художник: блеклые цвета, проступающие сквозь друг друга, в сочетании с ядовитой зеленью, серо-черные потеки, коричневые пятна, крошащийся камень и куски арматуры, словно выдернутые из живого тела жилы. Как следы пыток.

Она трогала ладонью штукатурку, и завитки послушно осыпались под рукой. Кожа больного человека, которому никогда не залатают его раны.

Она знала таких людей.

Она и сама была таким человеком.

Мох мягкий на ощупь, как зеленая корпия. Хотя бы так.

Они еще побродили по развалинам. Неведомые звери изгрызли стены и перекрытия, разбили стекла, выбили двери.

— Это не война. Здесь не было военных действий и обстрелов. Хотя... Наверное, война сделала с людьми что-то такое, что позволило им сделать с целым, красивым зданием это. Война — не обязательно бомбежки и выстрелы, это и так тоже.

— А она вылечилась потом?

— Кто?

— Жена.

— Дожила до девяноста лет. Помогала ему обустроить здесь многое. Умерла в сороковом году, а он в тридцать четвертом. После его смерти, говорят, торговала на пляже пирожками. Все имущество — санаторий, дендропарк, школу, приют — они передали новой власти.

По всей крыше проросли молодые сосны, даже на самой высокой башенке.

* * *

В маршрутке два голоса, за высокими спинками не видно кто. Но она и не стала бы смотреть.

— Итог победы в войне — это всегда свобода. При всей трагичности самой войны. И нам война принесла свободу. Что такое свобода? Это определяется одним — ради чего живет человек. Должна быть идея. Вот готов ли ради идеи человек пойти до конца? Не переступить свою совесть. Готов ли выдержать все трудности? Во время войны люди это понимали. Они сделали выбор, и этот выбор сделал их свободными.

— Война ведь не в головах — кто добровольно жаждет терять близких, отправляться в кровавую мясорубку, убивать другого такого же человека, у которого дом, семья, дети? Войны — там, в мегаполисах, в банковских ячейках, высоких кабинетах. Там начинается война. Но даже понимая это, ты встаешь и идешь умирать за то, что тебе дорого. Вот в чем трагедия.

* * *

Так смелые люди взрезают бытие — нож по самое брюхо, хруст лопнувшей кожуры, алый сок брызжет во все стороны, чик-чик — самые лакомые куски, из середины, переливаются от сахара. До упоения, несмотря на липкие руки и сладкую воду сквозь пальцы.

Они разрезали арбуз прямо там же, где купили. Старик продавец подремывал в тени от козырька, над фруктами вились осы.

Стояли за маленьким столиком и ели жадно, словно после санатория и выматывающей дороги нужно было срочное переливание крови.

— Где ты живешь?

— У одного знакомого, — он кивнул в сторону тенистой улицы, что тянулась вдоль железной дороги. Это, видимо, был местный престижный район — большие дома с садами, высокими, крепкими изгородями, каменными заборами, витыми решетками. — Он уехал, попросил присмотреть за домом. Так получается, что люди мне частенько дают ключи. Не подумай, я сам не прошу. Им почему-то кажется, что я подходящая персона для того, чтобы беречь их жилища, поливать цветы, кормить котов.

— Они тебе доверяют.

— Во всяком случае, ни один кот еще не умер, а запасы гречки легко пополнить.

— И чем ты занимаешься?

— Не забывай, я еще в игре.

— Сидишь в пиар-агентстве и что-то рекламируешь?

— Рекламирую! Жизнь! — он поднял ломоть арбуза, как поднимают чашу, провозглашая тост.

— Даже не знаю, стоит ли это твоих усилий. Лучше бы устроился страховым агентом. Все полезнее и честнее.

— Жизнь — это риск. От нее не спрячешься и соломки не напасешься. Приходится выходить во враждебную окружающую среду. К людям. Можно было бы, конечно, весь отпущенный срок просидеть в норе, но ты ведь не из таких?

— А если как раз из таких? Человеку легче найти пристанище или на краю земли, или в самой гуще большого города, что на самом деле одно и то же.

— Можно еще найти кого-то. Другого.

— Люди, которые проводят время вместе, постепенно выбалтывают самое главное, как бы ни остерегались, ни притворялись. Человек не может не говорить о том, чем живет, чем наполнена его жизнь. А если людям есть о чем поговорить, то они привязываются друг к другу. Но что потом? Какова статистика этих «потом»? Ты знаешь?

— Жизнь вообще непредсказуема. Но мы просыпаемся каждое утро и идем своей дорогой дальше. Нам не известны ни наше начало — почему мы здесь, с какой целью, ни конец — когда он случится и всё ли успели, а может, не нужно было успевать, может, ничего не нужно. А все эти вечные вопросы — все те же адамовы яблоки искушения.

— Или клубки Евы. Покажите, как это связано? Мне иногда так хотелось все распутать. Или в книге судеб разглядеть сквозь лупу, страница за страницей, что там начертано — рунами или кадрами. Но доступа нет. Ни клубков, ни книжек. Кто составитель моей судьбы? Во что верить человеку? В случайность или Провидение? Во что веришь ты?

— Если узнаешь начало, то узнаешь и чем все кончится. А имеет ли это смысл? Не потому ли все сокрыто? Не любопытствуй понапрасну, не нашего ума это дело.

— Уходишь от ответа. Оглянись вокруг — эта улица, лавка, старик, прохожий — эта картинка сложилась именно для нас, чтобы мы купили арбуз, стояли здесь, говорили, может быть, произнесли по фразе или даже слову, из которого вырастет что-то в будущем. А если бы мы не оказались здесь — все осталось таким же?

— А если мы сами статисты в истории продавца? На вырученные деньги он купит лекарство и не умрет от инфаркта. Или сделает подарок соседке и женится на ней. Но все это с таким же успехом может быть фантазией.

— Иногда я уверена, что все траектории не случайны, но любой прагматик только посмеется над этим.

— Возможно, истина где-то посередине.

— Любая встреча начинается задолго до знакомства. Почему ты подошел ко мне тогда?

— Ты была единственным посетителем кафе. Точнее, посетительницей, и очень милой. К страшной я бы не подошел!

— Шовинист!

— Умоляю только не кидать в меня арбузные корки. Кстати, почему ты сидела там? Одна, на жару.

— А мне хотелось быть одной.

— Мне кажется, я об этом знал. С детства.

— Сейчас точно получишь!

— Нет, ты добрая, ты не станешь.

— Ты не знаешь меня. Ты и себя-то не знаешь. Говорят, мозг принимает решение за десятки миллисекунд до того, как оно будет совершено. Мы еще не в курсе, а он уже решил, и потом дал «добро», и еще уверил, что это мы сами сделали. Кто ты? Венец эволюции, от бактерии до шимпанзе, или Божье творение, по образу и подобию? А может быть, биокомпьютер? Ты бы что предпочел?

— А я смотрю: ты все ищешь, ищешь, как будто что-то потеряла. И это совсем не стекло. Стремление к истине не наделяет нас силой, и наша мысль не подчиняет себе мир. Она сама ему подчиняется.

Я тоже не знаю, что такое человек, зачем в нем сочетание низшего и высшего, добра и зла. Ученые расшифровывают гены, следят за нейронными сетями, кажется, вот-вот раскроют эту тайну. Но ведь когда они доберутся до нее — парадокс, всё — мы останемся без человека. Хотя, согласно твоим трилеммам, может быть, кто-то уже добрался и сконструировал нас с тобой. И назвал человеком.

— Хвала Создателю. Но дал ли он нам свободу? Или все предрешено? Пока мне остается только принимать правила игры. Но я даже не знаю, хочу ли я не погибнуть в этом море.

— Пойдем. Пора.

— Ты когда-нибудь отправлял послание в бутылке?

— Вряд ли.

— Вспомни, может быть, все-таки отправлял?

Он молча качнул головой.

— Все мы, так или иначе, отправляем эти послания. Только они не всегда доходят до адресата.

Сквозь деревья показался желтый шатер «Амры».

— Не удивлюсь, если это место на полпути от каждого из нас.

— Так и есть.

— А что там, в той стороне?

— Ничего такого, чего не было бы здесь.

— Верю. Передавай привет коту.

— До завтра? Сегодняшняя предыстория ведь должна привести к завтра? И там что-то будет?

— Я ехала сюда на поезде, и когда он потянулся вдоль берега — совсем рядом, как вспышка, открылась необыкновенная, внезапная синева и вдруг раздалась музыка. Это было что-то древнее, потустороннее, какие-то трубы, струны, словно из подземелья или далекого прошлого. Печальные, заунывные. Голоса предков, умерших, голоса погибших на войне, голоса утонувших с разбившихся кораблей. И у тебя бегут мурашки по коже, хотя ты знаешь, что это всего лишь рельсы.

Ты не слышал их? Будешь уезжать отсюда, садись на поезд — такой музыки больше не встретишь нигде.

* * *

Когда-то было только море. Это потом уже пришли корабли, стали обрастать ракушками, водорослями, ресторанчиками с мангалами, летними верандами, квартирами, двухэтажными особняками, «шевроле» и «фerrари», «Zara», «Mango», «Dolche», еще слаще, еще больше, Мальдивы, Флорида, Доминикана, «Черные глаза, черные глаза» или «I was born to die» — на самом деле все одно, морю по колени. И когда-нибудь — без сомнения — это смоем огромной океанской волной, вместе с фотачками из инстаграмма и одноклассников, вместе с Эгейским и Ионическим, Адриатикой и пятизвездочными хибарами, и останется то, что было изначально, море как Море, первозданное, с нагим человеком на берегу, с лодкой и сетью, и может быть, в тот новый день он выловит нечто совсем другое, и Создатель не разочаруется и погладит его по голове.

* * *

Говорили приглушенно, но потом все равно не сдерживались и прорывалось. «На шоссе», «ночью», «пятнадцать лет ведь всего», «просто переходила», «сбили», «сбили, «сбили». Где-то неподалеку еще десять часов назад на ночной дороге лежало тело молодой девушки, исковерканное автомобилем, распластанное на асфальте, сломанные руки, длинные волосы в крови. Она, может быть, видела ее — как-то заходили с дочкой хозяйки. Мгновение, вспышка фар — и все вдребезги. Женщина в черном ходит и носит черную весть. И отдыхающие замолкают, отрываются от своих

обедов, прислушиваются, ниже склоняют голову при слове «смерть» — дай Бог, обойдет, если вовремя спрячешься, не сядет черной птицей на плечо. Быстро доедают, расплачиваются и, обремененные чем-то тяжелым, тяжелее, чем мясо барашка, спешат к морю. Там, где лежаки, полотенца, ароматное масло от загара, там, где вода все делает легче.

А если бы она сама была той девушкой на шоссе?

* * *

— Ой, не знаю, не знаю, Зочка Николавна, и за что мне такое наказание? Ну, скажите мне, как может женщина так существовать, она должна делать все с удовольствием, у меня, если я что-то делаю, все отлично, сковороду я так сжечь не могу, а она сжигает, ничего не доделывает до конца, прошу ее все время: мой раковину, вытирай посуду, у меня посуда всегда высушена, на место поставлена. Ну конечно, для чего это она будет делать? Она еще всех пошлет и псих покажет, изобразит из себя что-то. Тридцать лет — ни за что не ответственна, квартира завалена, как помойка, вещи по местам должны быть и лежать на полочках, а они черт знает как лежат, одежда — это не одежда, а неизвестно, на каком углу эту одежду отодрали, не приучена ни к чему, тока психи изображает каждый раз, что это вообще такое? Тридцать лет человеку, а она изображает! Взрослый человек — это когда подойдет и скажет: «Мамочка, мамочка, научи меня мыть полы, научи меня правильно мыть посуду, вот что такое взрослый, и в рот заглядывает, когда ему что-то говорят, нет, она будет дверями хлопать, что она изображает? Надо хотеть чему-то научиться, а не изображать, а она все обиженная, тут кинул, туда пошла кинула, с ней по-хорошему, а она с тобой, простите, как с дерьмом: отстаньте, отвалите, как же надо себя любить, не знаю, не будет никакого толку, пока не начнет как взрослая относиться, всю жизнь делаешь, чтобы им было хорошо, сидит там, творчеством занимается, это не творчество — это хлам, ремонт дома не делает. А я ведь ей спуска не давала никогда, всегда строго, всегда ремень наготове, пусть больно, пусть синяки, не жалела, понимала, иначе толку не будет, не вырастет человеком, и до сих пор не понимаю, в кого она такая, не было у нас таких. И вот говорю ей, каждый день говорю это, пойми, не слушает, себе на уме, вот такая беда у меня, Зочка Николавна, и на что жизнь потрачена, и как, а вы, Зочка Николавна, поедете сегодня в монастырь? А записочку подать? Хотя какая-то надежда, что мозги вправятся, а дальше просто не знаю...

— Пойдем отсюда, пожалуйста.

— Что случилось? Подожди...

Тошнота уже подкатывала к горлу. Мутило, как во время шторма.

— Мне нужно. Потом увидимся.

Еле успела. Вонючая, черная дыра туалета. Как все это выблевать, как? То, что внутри тебя навсегда, с кишками и жилами, в сердечной мышце, в лимфе и печени. Как?

* * *

Она лежала на кровати, на животе, словно на плавательном матрасе, и, свесив руку, водила пальцами по полу, будто рисовала на воде знаки. Знаки были змеями и вились, вились, кусали друг друга за хвосты, отгрызали головы, запутывались, душили, безголовые шли ко дну. Кто-то стучал в дверь, дергал за ручку, она даже знала кто. Но было не до этого. Нужно было как-то переплыть море, заколдовать гадов, утопить всех.

Дверь дернулась и открылась. Саша сначала просунул голову, огляделся.

— Почему ты мне не откльвала? Ты не слышала? Я стучал, стучал! Эй, ты спишь?

— Я сплю, Саша. Уходи, — она даже не сделала попытку встать.

— Мозет, поиграем? Там, в саду?

— Я не могу сейчас. Давай потом.

— Почему потом?

— Саша, иди к родителям.

— Они отдыхают. Мне нельзя заходить.

— Саш, иди уже. — Он топтался на месте. Она видела его босые ноги, сандалики он оставил у порога. — Господи, да уйдешь ты когда-нибудь!

— Ладно, я... Ладно. Я потом. — Она слышала шорох обуви. Скрипнула дверь. Нерешительное: — Пока!

Жалко? Не жалко? Она почти утонула.

* * *

Ты приходишь в этот мир маленьким, хрупким, от всего и всех зависимым, ничего не умеющим — если только любить тех, кто рядом. Беззащитный человечек с открытым сердцем — тянется к рукам, к теплу, к маме. Мама дала жизнь, мама согреет и спасет. Вся любовь, все надежды на жизнь, все доверие — ей. И он любит со всей беззаветностью, и эта пуповина любви, связывающая его с матерью, — его жизнь. Мама пожалеет, погладит, к сердцу прижмет. Потому что тоже любит. А вдруг нет?

Вдруг — обуза, неожиданный, ненужный. Может, и не хотела никогда, возись теперь. Дотронуться неприятно. Еще и внимания хочет. И поиграть, и покушать. И ласки. Получишь сейчас у меня такой ласки... Ненавижу. И главное — ведь все назло, всегда уронит, разольет, выглядит глупо, учится так-сяк — ну подтянись, подтянись до пятерочки, может, и полюблю, хотя что это я — плевать мне на твои оценки, все равно ты никуда не годный. Толстый, худой, одеваешься не так, женился не так, работа не та. Может, лучше бы тогда... В больнице... И почему я?

А он еще любит. Ведь это мама. Она просто не понимает, и я — я! — конечно, во всем виноват сам, но я заслужу, смогу, я сделаю так, чтобы она полюбила, чтобы поняла: я хороший, я достоин любви. И он идет снова и снова, с надеждой, что в этот раз — точно все, получает очередной удар, падает, но не верит, поднимается. Мама! Отвали, не понимаешь, что ли. Еще? На получай. Урод, никак не отвяжется.

И теперь он сломлен. Он не смог. Он оказался недостоин. Он слишком гадкий для того, чтобы его можно было любить. Его любить нельзя. И как бы он ни старался, это только лишняя боль — он не заслужит все равно. Когда любишь — ударят. Любовь не нужна. И ты никому не нужен. Если сам себя не защитишь, никто тебя не защитит. Всякий, кто подходит близко, враг. Строй стены, будь осторожен. Любить — больно.

* * *

— Милочка, ужин подавать?

Ужин? В этом мире существуют какие-то ужины, там едят, глотают кусок за куском. А я — нет. Я не буду никогда. Мне все равно.

— Ты заболела, девочка моя? Белый день на дворе, лежишь, спишь. Принести тебе чего-нибудь? На солнце перегрелась? Температура? — Она прошаркала до постели, присела. — Дай лоб потрогаю. Нет, температуры нет. Отравилась? Ты где вчера

кушала? Бледенькая такая пробежала. Кушать надо дома. Ирена Кареновна разве плохо готовит? Кушаешь где попало — и вот. Может, врача надо вызвать?

— Нет, не нужно. Я просто полежу.

* * *

Изучение себя в зеркале ничего не дает, слишком много внешнего, отвлекающего от сути. Если бы увидеть, что там внутри. Нет, не сосуды, желудок, сердце, диафрагму, а то — другое. Что не зафиксирует томография.

Вода обладает зеркальной поверхностью и объемом, вот куда нужно как следует заглянуть, чтобы узнать себя. Спуститься в опасные глубины, столкнуться с безумием, бессилием, со страхом смерти, с абсолютной потерей уважения к себе, с открытием, что ты не личность. Ты никто и ничто.

В этой адской бездне не за что уцепиться, кругом вода. Я? Я, что во мне? Нет времени просеивать себя, словно пшеницу, искать здоровое зерно, которое может дать начало новой жизни. Нет ничего, ты никто. Ты не сможешь. Слишком глубоко.

Но вдыхая последний кислород, все же решиться — бороться или сдаться. Запустить в себя воду, чтобы она заполнила легкие, сделала легко насовсем. Или податься вверх, сквозь толщу воды, к солнцу, отдавая последние силы. Вода — источник и гробница. Жить или умереть? И когда боль станет невыносимой, а тело будет готово отдаться на волю течению, он еще раз прозвучит, этот вопрос, в затуманенном мозгу: ради чего? И какая-то живая часть, когда-то толкнувшая тебя сквозь родовые пути, вновь рванется вверх. Туда, где море почему-то окажется завалено тяжелыми стволами деревьев, ветками, древесным сором. Как будто бедная падчерица так и не донесла собранный хворост до мачехи, рассыпала по пути. Теперь волны мотают его толстым слоем туда-сюда, безжалостно, остервенело. И сквозь него так тяжело пробиться. Ну, еще чуть-чуть. Я смогу. Я буду дальше. Я хочу. Жить.

* * *

— Ты как хочешь, а Ирена Кареновна тебя покормит. С ложечки, как ребенка. Ничего. Я тоже однажды так лежала, не могла ни встать, ни есть. Когда мужа убили. Упала, когда мне сказали, и все. Не могу. Потом пришла дочка Аля, маленькая совсем, мама, я тебе кашку принесла. И давай кормить. За меня, говорит, за Лилю, за папу, за бабушку. Не хочу, плачу, а ем эту кашку.

Как жили потом — даже стекол не было, вылетели, взрывали тут, окна полиэтиленом закрывали. Потом первые отдыхающие поехали после войны. Окна нормальные сделала. Так радовались. Я ведь одна была, дети, дом, сад, все поднимать надо. Можешь только на себя надеяться. Это сейчас у тети Иры все хорошо, внучек хочу вот в столицу на учебу. Деньги им собираю, мне-то уже ничего не надо. А вспомнить? Только к чему плохое вспоминать. Было да прошло.

* * *

- Милочка, к тебе пришли. Как ты? Будешь принимать гостей?
- Гости? — она испугалась и даже подумала о самом худшем.
- Ну да. Тот молодой человек. Или не пускать его?
- Я... Как-то неожиданно.

— Я принес тебе бруснику. Подумал, что и правда, не знаешь, что для человека лучше, погубят тебя эти южные фрукты. Нескромные они какие-то, ни стыда, ни совести, все нутро на виду.

— Ты опять шутишь?

— Бросить друга в беде? Да как я могу? — он поставил на столик возле кровати банку с ягодами. — Прямоком из ваших краев.

Она смотрела на кроваво-темные бусины, уже давшие сок. Слеза потекла сама собой, оставляя соленый след.

— Не переживай. На море все равно почти никто не купается. Всю ночь шел ливень, снес весь сухостой с гор прямо в воду. Можно дрова на зиму заготовливать. Только тут, смотрю, это не принято.

Он взял ее руку, осторожно коснувшись змейки, будто проверяя, на месте ли она, потом посмотрел в лицо.

— У тебя щека поцарапана.

— Я... плавала. Выплывала.

* * *

— Ты ко мне плиедес? Адрес: улица Налодный бульвал, дом на пелеккестке, пятый этаж, от лифта наплаво. Видис, плостой адрес такой. Плиедешь?

— Как получится, Саш. — Врать не хотелось, огорчать — тоже.

— Я тебя буду ждать!

— Саш, ты очень хороший человек, запомни! А кто будет говорить, что плохой, — не верь!

— Са-аша! Мы едем! Ты хочешь, чтобы мы опоздали? Папа уже машину завел, а он где-то болтается! Са-аш, мы тут еще долго торчать будем? Ты посмотри на него, что за ребенок!

— Вот возьми, это подарок тебе от моря, — она протянула ему маленький мешочек. — Только маме не показывай. А теперь беги, мой хороший, беги!

— А ты плиезжай, слысыс?

* * *

— У меня тоже были такие в детстве. В коробке из-под леденцов, как их... монпансье, вот. Когда мне было грустно, я перебирал их, выкладывал какие-то узоры. Потом коробка потерялась, мы несколько раз переезжали. Нет, коробка как раз потом нашлась — только пустая, там больше ничего не было.

Странно, что в детстве так много дорогих мелочей, вещей, и все они куда-то исчезают, хотя их можно хранить. Но они ускользают, как будто освобождаешься от чего-то. От волшебных талисманов или всего того, что делало тебя ребенком. Как будто есть таможня, которая все это изымает на определенном рубеже. А может быть, сам избавляешься от ненужного груза.

— Знаешь, — она смотрела в сторону, — не все люди хотят забирать себе что-то из детства. Некоторые — наоборот. — Она подняла на него глаза.

— Однажды я ехал в поезде, зашел в купе, уже поздно — спит девушка. Она так сладко спала, безмятежно. И я погладил ее. По голове, волосам, по спине. Просто гладил. Едва прикасаясь. Даже не знаю, почувствовала ли она что-то. Не подала виду. Потом я лег спать, а утром ее уже не было.

— Ты опасный человек. Я хочу, чтобы ты остался.

* * *

Свете тихий, мягкий, шадящий, радующий, свет невечерний, сияешь нам, для тебя нет стен, преград, крепостей.

Там, где ты, — все возможно, там люди друг другу сердца открывают.

....И тьмы нет. И свет светит. Верь мне!

Любовь — невыразимая щедрость, отчаянное бесстрашие, без желания овладеть, привязать, привязаться и потерять. Свобода быть, несмотря на то, чем все может закончиться.

Кто ты? Откуда? Я знала тебя прежде вечности. Я помнил тебя до рождения. Кажется, мы — вместе — были всегда.

* * *

Что-то нарастало, клубилось в воздухе. Черная грозовая туча с холодным дождем, а может, и снегом неотвратимо надвигалась с горизонта. Внутри закручивались ледяные вихри. Близко. Еще ближе. Она могла бы коснуться их рукой и выдернуть, словно обычную нить. Значит, пора было бежать.

— Что-то ты мрачная сегодня. Нездоровится?

— Нет, ничего, так ...

— Пойдем тогда на обед. Угостят нас индейкой. Или дыпленком табака.

— Никогда там их не подавали.

— А зря! Без курицы не будет любви!

— Ее вообще не будет.

— Хватила. Ты в экзистенциальном плане или в личном?

— Не важно.

— У тебя ведь не так что-то в жизни идет?

— С чего ты взял?

— Заметил.

— А у самого-то тебя как дела? Кто ты будешь? Откуда?

— Не важно. Ведь человек интересен сам по себе! Я, кажется, цитирую кого-то.

— Цитируешь.

— Женат? Дети?

— Не имеет значения.

— А так хочется знать, что имеет. Что имеет в этом мире значение? Чтобы все лишнее схлынуло, чтобы ты сам — как обкатанное морем стекло, которое легко ложится в руку, только возьми и рассмотри, что там — в середине. Какое-то свечение — Божья искра? Или тьма. В очередной раз тьма. И нет никакого света.

— Любовь имеет значение.

— Так хорошо говорить — любовь. Как будто она яблоко — вышел в сад и сорвал. А где она, настоящая любовь в реальной жизни? Каждый день я вижу одинаковые картинки, довольно уродливые, нелюбви. И я знаю, что говорят, когда любят, что делают, когда любят. Если поддашься — тебя предадут или используют. Любовь — это предательство и страдания. Это когда самыми возвышенными словами человек зачастую прикрывает самую мерзость.

И ведь каждый думает: но со мной-то не так, у меня получится. Будем жить долго и счастливо и умрем в один день. И лучше бы так, а то мучаются и мучают всю жизнь.

— Да тут целый манифест. Пожалуй, следует заказать какой-нибудь десерт, две порции сразу. И сладкий чай.

— Смейся, смейся.

— Мне не до смеха на самом деле. Может, расскажешь, что случилось?

— Нечего рассказывать.

— Знаешь, за фасадом каждого встреченного на пути человека будет беда. Так соткано бытие. Но жизнь в большинстве случаев побеждает. Все перемальвается. Из этой муки печется хлеб насущный, человек насыщается и идет дальше в битву. За то, чтобы любить, дышать, творить. Есть дары, есть труд и борьба. Есть боль. Возможно, в Раю было иначе, но мы, увы, не в Раю.

— Есть то, что не перемолоть. То, что с тобой навсегда, как опухоль, которую не вырезать. Ты думаешь, я не борюсь? Я борюсь каждый день. Мне не нужно ничего сверхъестественного — просто быть, как все, тоже иметь право на жизнь. Всем оно дается задаром, но почему — не мне? Я бы все отдала за эту легкость бытия!

— Так отдай! Откройся. К черту жалюзи, железные двери и замки!

— Тебя, кстатти, никто не просил наводить порядок в моем доме. Тут и до тебя были хозяева. Они много чего сделали, на свой вкус. И каждый, кто приходит, уподобляется им. Из разных побуждений. Но не спрашивая меня.

— Я хотел помочь!

— Котенку помоги на улице. Подбери и дай молочка. Хотя от молочка у него разболится животик. Не забудь купить правильный корм!

— Нельзя все время убегать. Бесконечно защищаться. Если тебя обидели — это не значит, что ты должна обижать остальных.

— А кто, кто меня защитит, кроме меня самой? У меня есть только я. Мне никто не нужен! Никто! Не я села к тебе за столик в кафе, не я подошла на берегу.

— Но ты пошла со мной. Ты!

— Это было ошибкой.

— Послушай, прекрати бить эту чертову посуду. От звона тарелок звенит в ушах.

— Смешно!

— Правда, остановись. Я не желаю тебе зла. Что ты делаешь со своей жизнью?

— Да как ты не понимаешь! Я не хочу жалости. Жалость унижает! Человека, упавшего в грязь, она втаптывает туда еще сильнее. Ах, ты какой грязненький, бедняжка! Я просто хочу быть, как все. Но каждый раз одно и то же.

Он попытался взять ее за руку.

— Нет, не трогай меня!

— Ты невыносима.

— Хам!

— Согласен. Но хотя бы не трус.

— Ненавижу!

— Я завтра уезжаю.

— А я послезавтра.

— Прощай!

— Желательно навсегда!

* * *

У каждого человека большое сердце. Бездонное, словно море, уходящее к Творцу, и воды из него никогда не убывает, как и любви. Так должно быть. Так задумано о нас.

Но жизнь поворачивается по-иному. И вместо любви случается ненависть, вместо объятий и нежности — пустота. Одиночества берег, песок под ногами, в груди тишина, кто виноват? Стремилась летать — крылья сломаны. Верили — обманулись. Были дары — растеряли.

И вот с горестями своими, на потрепанных лодках, к Тебе. Помилуй. Дай того, что у Тебя есть в избытке. Научи, как прощать, как далекого сделать близким, родным навсегда. Доверять.

Стекла морские на ладони Твоей, морем обточены, солью снежной покрыты, для Тебя только ведомо, что там внутри, нет тайны нашего сердца. Для чего мы Тебе, Отче? Что было в начале и каков задуман конец? Мир плывет бригантиной к неведомой буре, что там будет?

Помнишь печь и огонь обжигающий? Помнишь день, и Господь-стеклодув вдыхает жизнь в хрупкий сосуд, каждому — свой?

Что там дальше? Что будет?

Морем жизни иди.

* * *

Она все сделала правильно. Как делала всегда. Как нужно. Кофе давно остыл, да она о нем и забыла. Твердила себе, что права. Назвала его для верности хамом, хотя знала, что он по-настоящему хороший человек и ни в чем не виноват. Но так лучше! Так — совершенно одной посреди берега и моря, между путями и возможностями, между жизнью и смертью, между любовью и ненавистью — лучше?

Хозяйка всё протирает столы, задерживаясь на каждом дольше, чем обычно. Уже ни крошек, ни пятен, поглядывает в ее сторону.

— Не пришел?

— Наверное, уехал.

«Ту-у, ту-у». А вот и четырехчасовой. Вагон за вагоном. Мимо. Остаешься частью ненаписанной истории, неполученным посланием.

— Эй, я ведь тебе уже говорила: не ходи по железной дороге, это опасно! — и немного мягче: — Тебе как всегда, мой дорогой?